

Из истории торговли Оренбурга со среднеазиатскими ханствами

Все более углубленное изучение взаимоотношений России с государствами Средней Азии вскрывают многочисленные и разнообразные факты, свидетельствующие о том, что история экономических, политических и культурных связей между ними уходит в далекое прошлое. Особая роль в их упрочении принадлежит периоду XVIII–XIX вв., отмеченному интенсивным развитием капиталистических производственных отношений в России. Это обстоятельство и обусловило выдвижение в качестве первоочередной задачи политики царского правительства в регионе всемерное расширение и укрепление торговых взаимосвязей с ханствами Средней Азии. Другими словами, в своем стремлении установить добрососедские отношения с правителями Хивы, Бухары, Коканда и Ташкента русское правительство было движимо не только желанием умиротворить обширные степные пространства, граничащие с этими владениями; не забывая «о благоразумной осмотрительности», Россия старалась упрочить, упорядочить, а тем самым и «обезопасить» торговые сношения с Средней Азией».

В обеспечении поступательного движения в глубь Азии особая роль была отведена Оренбургскому краю: он, прилегая, с одной стороны, к Волге, а с другой – к устьям рек Сыра и Аму-Дарьи, «по одному положению своему приобретал важность государственную, рождая надежды на блистательную будущность» [1].

То обстоятельство, что основание Оренбурга должно было стать решающим событием в развитии экономических отношений со Средней Азией, недвусмысленно подтверждается в донесении в Государственную Коллегию иностранных дел Симбирского и Уфимского генерал-губернатора Апухтина (1782 – 1784 гг.): «Торг там с начала построения города Оренбурга для того наипаче и учрежден, дабы все азиатской стороны купцы с товарами тамошнего продукта, так же с золотом, и серебром, и камнями сюда приезжали, и торг производили... причем они не только в обиде охраняются, но и во всяких случаях по справедливости защищаются, что могут хану их свидетельствовать бывшие в Оренбурге для торгу купцы их» [2].

В этой краткой выдержке из документа, на наш взгляд, заключен весь смысл устремлений России: каждое слово проникнуто заботой об обеспечении, по возможности, непрерывного и значительного поступления сюда всего, чем была богата Азия.

Очевидно, что забота об укреплении торгового могущества побуждала Российскую империю предпринимать меры не только по овладению рынками сбыта своей промышленной и сельскохозяйственной продукции. Перспективные планы шли намного дальше: удовлетворение насущной потребности в источниках ценного сырья.

Об активности правительства в области среднеазиатской политики свидетельствуют многочисленные законоположения, призванные преодолеть

противоречие между потребностями, пользой торговли с ханствами и предполагаемыми выгодами в ней России.

Установление баланса между привозными среднеазиатскими и отпускными российскими товарами, действительно, представляло собой сложную проблему в торговых отношениях с ханствами.

Купцы, вернувшиеся оттуда по окончании своих торговых дел, генерал-губернаторы, составлявшие официальные записки о русско-среднеазиатской торговле в периоды их правления, неизменно отмечали данное обстоятельство. «Баланс русской торговли с владениями среднеазиатскими до сих пор, как известно, был постоянно на стороне последних, от того, что не мы с ними торгуем, а они приезжали торговать на наши меновые двory и внутренние рынки» [3], – писал по этому поводу В. Долинский.

Для наглядного подтверждения неудовлетворительного состояния торговли России со Средней Азией обратимся к одному из многих документов – выписке из дел Оренбургской Пограничной таможни о товарах, привезенных бухарцами на меновой двор за период с 1787 по 1796 гг., а также российских товарах, отпущенных за границу в эти же годы [4]:

Годы	На какую сумму вывезено из-за границы бухарских товаров		Напротив того бухарцами на какую сумму вывезено за границу российских и портовых товаров	
	руб.	коп.	руб.	коп.
1787	379.083	94	341.175	54
1788	198.863	19 $\frac{3}{4}$	176.992	69 $\frac{3}{4}$
1789	493.148	36	443.833	56
1790	365.153	22 $\frac{1}{2}$	346.895	57 $\frac{1}{2}$
1791	467.579	20 $\frac{1}{4}$	420.821	29 $\frac{1}{4}$
1792	381.449	11 $\frac{1}{2}$	305.159	29 $\frac{1}{2}$
1793	479.112	30	440.783	34
1794	407.500	11 $\frac{1}{4}$	366.750	10 $\frac{1}{4}$
1795	501.945	-	426.653	25
1796	484.476	65	411.805	13–
ИТОГО	4.158.311	10 $\frac{1}{4}$	3.680.869	78 $\frac{1}{4}$

Но особенно разительным контрастом отличался 1800 год, когда бухарских товаров было привезено в Россию на сумму 665.852 руб., а отпущено из Оренбурга за границу российских изделий общей стоимостью 59.059 руб. [5].

Как видно, отдельные колебания в ценах привозных и отпускных товаров не меняют общей картины: тенденция к преобладанию импорта над экспортом во все годы остается неизменной.

Приведенные данные показывают, что пессимистические оценки русской торговли со среднеазиатскими странами, в частности, с Бухарой, действительно имели под собой самые серьезные основания. Именно это обстоятельство побуждало заинтересованные круги – пограничную администрацию, «капитальное» купечество – искать выход из создавшегося положения.

Благоприятный результат – преодоление дисбаланса в торговле, приносившей все барыши исключительно среднеазиатским купцам, – мог быть достигнут, по общему мнению, лишь при совместных усилиях представителей торгового сословия и администрации, а также неременном материальном содействии центра.

Но, как известно, любому административному мероприятию или реформе в области торгово-таможенной политики должно было предшествовать весьма тщательное изучение компетентными лицами современного состояния среднеазиатской торговли. Возникла масса вопросов, требовавших незамедлительного решения с помощью, прежде всего тех, кто на практике был знаком с торговым делом. Например, необходимость объяснения обстоятельств, влиявших на значительные изменения в ценах, возникла в связи с усилившейся тенденцией так называемого «унижения» российских товаров; если раньше за чугунный котел русский купец мог взять пуд хлопчатой бумаги, то позже, как жаловались торговцы, и 5 котлов не обеспечивали такого обмена [6]. Важно было выяснить размеры действительных потребностей России и среднеазиатских государств в тех или иных товарах, конкретные условия, в которых развивалась торговля, в том числе и политическую обстановку в ханствах, влияние размера пошлины на «движение» привозного и отпускаемого за границу товара. Очень злободневным был вопрос о путях сообщения между Россией и Средней Азией, степени их безопасности и проходимости, а также мерах предотвращения грабежей караванов по пути их следования к пунктам назначения и т.д.

Предметом крайней озабоченности русского купечества, к примеру, были многочисленные привилегии, которыми пользовались среднеазиатцы в России. Оно неоднократно обращалось как к руководству таможенного округа, так и в вышестоящие органы (в частности, Азиатский комитет) с требованием запретить азиатским купцам проезд во внутренние районы империи. Об отрицательных последствиях «дарования» азиатцам этой льготы вполне определенно высказался Е.К. Мейендорф: «...она сократила розничную торговлю в наших пограничных городах, поставила бухарцев в известность о действительной цене товаров, которые они везут из России, а также помешала русским купцам извлекать, как ранее, большие выгоды при коммерческих сношениях с бухарцами» [7].

Свидетельством того, что это мнение не было частным, и сложившаяся ситуация в действительности на протяжении многих лет была источником серьезной обеспокоенности оренбургского купечества, является записка, составленная флигель-адъютантом Игнатьевым, о причиненном местной торговле ущербе [8]. Этот документ рассматривался на заседании Азиатского комитета с приглашением Оренбургского военного губернатора генерал-адъютанта П.П. Сухтелена, выразившего свое суждение по этому вопросу на основе анализа точнейших сведений. Признание того, что покровительство по отношению к тем или иным представителям торгового сословия неминуемо наносит вред другой его части, не помешало, однако, губернатору прийти к следующему заключению: «...если (русским) даровать все требуемые ими преимущества, то полезная оборотистость азиатцев, будучи стеснена, произведет неблагоприятные последствия в отношении богатства и хода караванов. Равно несправедливо было

бы и вовсе отказывать в даровании каких-либо преимуществ Оренбургскому краю» [9].

Ответ примечателен: никакие проблемы, возникшие в связи с наделением азиатцев названной льготой, не могут затмить всех тех выгод, которые обещает дальнейшее развитие и расширение торговых связей со Средней Азией.

И действительно, практика подтверждала, что только этот регион мог обеспечить на ближайшее будущее сбыт российских изделий, все больше и больше уступавших свои позиции по качеству изготовления западноевропейским товарам. На фоне таких неопровержимых сведений, которыми изобилуют исторические исследования многих дореволюционных авторов, представляется крайне тенденциозным мнение Ю.А. Гагемейстера: то значение, которое придают торговым отношениям России со Средней Азией, не соответствует реальному положению дел. Рост товарооборота с ханствами не способен повлиять на уровень развития российского фабричного производства. Наоборот, прекращение торговых связей не нанесло бы ему ощутимого урона. Отсюда следует, что русско-среднеазиатской торговле навсегда суждено остаться незначительной. Иначе говоря, Ю.А. Гагемейстер пытается убедить читателя в том, что «Хива, Бухара и Коканд в торговом отношении несравненно больше зависят от России, чем Россия от них» [10].

Правительство не могло и не должно было руководствоваться подобными взглядами на торговую политику в среднеазиатском регионе, доказательством чему является решение Азиатского комитета оставить просьбу оренбургского купечества без удовлетворения.

Данное решение было продиктовано целым рядом обстоятельств, которыми в создавшейся ситуации ни в коем случае нельзя было пренебрегать:

- ущемление в правах азиатцев могло неблагоприятно сказаться на развитии товарообмена с ханствами, причиной чему было отмечавшееся ранее незначительное число «капитальных» купцов в Оренбурге и на линии. Вследствие этого возникала опасность монопольного влияния на торговлю нескольких лиц, имевших возможность закупать азиатские товары и заботившихся лишь о собственных выгодах;

- это, в свою очередь, могло обернуться неблагоприятными последствиями и для владельцев российских мануфактур, заинтересованных, естественно, в возможно более широком сбыте своих изделий, в то время как несколько монополистов могли ограничить их реализацию в прямом соответствии со своими потребностями, отнимая при этом у первых возможность установить непосредственные контакты с азиатскими купцами – оптовиками;

- малое число первогильдейского купечества в Оренбурге, наделенного правом вести заграничный торг, а также опасность путей и риск, неизменно сопровождавший торговлю русских купцов в ханствах (что, кстати, заставляло их приостанавливать на время непосредственное участие в ней, доверяя это занятие посредникам из числа татар и казахов) делали бы невозможным распространение в Средней Азии большого количества российских товаров. При сложившихся условиях это могли сделать лишь азиатские купцы, из года в год приезжавшие не только в Оренбург, но и в другие крупные торговые центры России;

– и, наконец, еще один веский аргумент в пользу того, чтобы оставить в силе названную привилегию, сводится к следующему: требуемое русскими купцами стеснение азиатцев непременно повлечет за собой принятие ответных мер со стороны правителей среднеазиатских ханств, ухудшит их отношение к российскому купечеству, что неблагоприятно повлияет не только на торговлю, но и осложнит политические отношения со Средней Азией.

Как видим, царское правительство в своем стремлении всячески заинтересовать оборотистых азиатских купцов в широком товарообмене с Оренбургом, не нашло возможным признать доводы русских торговцев убедительными. Однако их полное игнорирование также не обещало успеха. Важно было, не вступая с ними в противоречие, подать повод к тому, чтобы принимавшиеся в отношении среднеазиатской торговли меры расценивались ими как выгодные для обеих сторон.

Список используемой литературы

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – М., 1848 – Т. XIX – Ч. 2. – С.1.
2. АВПР. Ф. 125/3. Д. 3. Л. 16.
3. Долинский В. Об отношениях России к среднеазиатским владениям и об устройстве Киргизской степи. – СПб, 1865. – С. 14.
4. РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 83. Л. 18.
5. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 495. ЛЛ. 85-89.
6. РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 407. Л. 13 об.
7. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. – С. 126.
8. РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 414. Л. 63-70 об.
9. РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 414. Л. 64.
10. Гагемейстер Ю.А. Взгляд на промышленность и торговлю России.// Русский вестник. – 1857. – Т. 7. – Кн. 1. – С. 41, 49 – 50.

Опубликовано в:

«Южный Урал: история, историография, источники»//Межвузовский сборник научных статей. Выпуск 3. Уфа. РИЦ БашГУ, 2011. С. 24-30